

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке
Анастасии Ивановой

Сокол, Лена.
С59 С тобой? Никогда! / Лена Сокол. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102803-9

Она была толстухой, чью внешность прилюдно высмеял самый красивый мальчик школы. Но все изменилось: теперь Даша учится в институте, она преобразилась, и у нее нет отбоя от кавалеров. Случайная встреча с обидчиком пробуждает в памяти воспоминания о старых обидах и... прежние чувства.

Забыть о прошлом и дать своей любви второй шанс?
Или отомстить за унижение?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102803-9

© Сокол Е., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Каждый день мы делаем выбор.

Сказанное слово или холодное молчание. Движение навстречу или нежелание обернуться, когда уходишь. Правда или ложь, чувства или разум.

Часто от этого выбора зависит наша дальнейшая судьба.

Всего один короткий миг, когда ты решаешь, как поступить, — именно от него зависит, каким будет твоё завтра.

Не ошибись. Всегда будь собой и слушай своё сердце!

Посвящается моему мужу, который семнадцать лет назад дал мне второй шанс. Женя, я тебя очень сильно люблю!

P. S. Надеюсь, ты не пожалел о своём решении)

P. P. S. Даже если пожалел, то теперь это только твои проблемы! Мвуаха-ха-ха!

- 1 -

Даша

Красивый мальчик с красивым именем Ярослав. Или Ярик, как его звали друзья. Он единственный не смеялся над моей полнотой. Может, потому, что мы были соседями, а может, потому, что он был воспитанным и добрым, я не знала, но с каждым днем он нравился мне все больше и больше.

Я родилась и выросла в необычной семье: воспитывала меня бабушка. Одна, без чьей-либо помощи. Первое слово, которое я произнесла, не «мама», а нежное «баба» — вот, пожалуй, и все, чем я отличалась от других детей.

Бабуля делала все возможное, чтобы ее внучка чувствовала себя полноценной. И только в садике я заметила, что у всех есть красивые мамы и сильные папы. А у меня была лишь бабушка. О моих родителях она рассказала, когда я стала старше и пошла в школу.

С моей мамой, своей дочерью, она почему-то не ладила. Та прогуливала занятия в школе, с трудом окончила десять классов, провалила поступление в университет и попала в плохую компанию. Бабуля говорила, что была слишком строгой с ней и редко говорила, что любит, наверное, все проблемы с дочерью были из-за этого. Теперь уж не узнать точно. Но мама ушла из дома и вернулась лишь через два года со мной на руках.

Она передала бабушке сверток, в котором кто-то шевелился и кряхтел. Бабуля растерянно прошла с ним в спальню, чтобы развернуть его, а когда вернулась, мама уже исчезла — так же неожиданно, как и появилась. Без объяснений и лишних слов.

С грудным младенцем бабушке пришлось трудно: нужно было срочно покупать смеси, пеленки, соски и перестраивать налаженную жизнь. Оставить меня одну она не могла, сдать куда-то ей и в голову не пришло. Хорошо хоть на работе вошли в ее положение и перевели на неполный рабочий день.

С утра она обычно сдавала меня в ясли, а после обеда летела обратно, чтобы забрать и покормить. Когда я болела, бабуля просила присмотреть за мной кого-нибудь из соседей. Не все соглашались, но вскоре в соседнюю квартиру въехала молодая семья с ребенком, и женщина, которая сидела дома с новорожденным сынишкой, забирала меня днем на несколько часов к себе. Бабушка благодарила ее как могла: хлебом, молоком, яйцами, а летом и первым урожаем с собственного огорода.

Я росла, души не чая в маме-бабушке. А она щедро одаривала меня вниманием и теплом, которые недодала по молодости дочери, ставшей непутевой кукушкой, как бабуля говорила, по ее же вине.

Наверное, именно из-за желания окружить меня заботой, одеть, поставить на ноги, накормить бабушка и упустила момент, когда наши домашние чайные посиделки и кулинарные эксперименты закончились тем, что в девятом классе я весила около восьмидесяти килограммов.

Конечно, я оставалась для нее красавицей и «сладкой пампушечкой», но трудно было не заметить ее беспокойства, если речь заходила о моей внешности.

- С тобой? Никогда! -

Сверстники хихикали надо мной, украдкой показывали пальцем, но мне удавалось это игнорировать до поры до времени.

Пока не пришел момент очередного медосмотра. Поверьте, для полного человека нет ничего хуже, чем раздеться в присутствии других людей. Я прекрасно понимала, что мои красивые одноклассницы, которые весят на двадцать-тридцать килограммов меньше меня, выглядят лучше, но тот факт, что у них не хватало такта удержаться от комментариев при виде моего тела, все равно ужасно обижал.

— Гляди, какие у нее складки!

— Фу!

— Позорище!

Мне становилось ужасно стыдно, когда до меня долетали ехидные шепотки. Не только за свой вес, но и за них. За то, что их родители не объяснили своим красивым дочерям, что человек порой не виноват, что выглядит не так, как все. И, как вариант, что он может быть доволен своим телом.

Хотя, если честно, я не была. Мне хотелось провалиться на месте вместо того, чтобы вставать на эти чертовы весы. Я шла к ним как на эшафот. Молила, чтобы все закончилось быстро. Прыг — стрелка замерла, и можно слезать, пока никто не увидел, на какой цифре она замерла.

Но девочки, наоборот, толпились вокруг меня в ожидании зрелища. И под грозный, поторапливающий оклик медсестры я все-таки встала на весы. В воздухе повисла гнетущая тишина. Кто-то охнул, но я боялась смотреть вниз.

— Восемьдесят? — спросил кто-то нетерпеливо.

— Гы-ы... Восемьдесят два! — прозвучало как приговор.

- Лена Сокол -

И только я открыла глаза, чтобы обреченно глянуть на дрожащую стрелку, как медработница, словно издеваясь, переспросила:

– Ско-о-лько?! – и замерла с тетрадью в руке.

– Восемьдесят два, Вера Афанасьевна, вот смотрите! – расступились они.

Мне хотелось крикнуть, что во всем виноваты колготки и майка, что если их снять, то стрелка отклонится назад на десять кило, но я не проронила ни звука. Так и продолжала стоять, краснея, и ждать, пока закончится моя минута «славы» и бесконечного позора.

– Ну ты, Дашка, и колбаса! – сказала Яна, самая высокая и худая из девчонок.

И все дружно расхохотались.

А я бросилась за ширму – одеваться.

Именно с этого и начались беспощадные издевательства.

«Баржа», «Жиртрестина», «Сало», «Плюшка», «Дирижабль», «Винни-Пух» – мерзкие словечки чередовались, сменяя друг друга. Но обидное «Колбаса» прицепилась намертво. И за это я люто ненавидела Янку и ее впалые конопатые щеки.

-2-

– Больше не буду есть. Совсем, – заявила я, вернувшись домой и сев за стол.

Бабушка как раз раскладывала по тарелкам мясо с овощами. Пахло безумно вкусно, и мой рот моментально наполнился слюной. Самое время, чтобы сдаться, но воспоминания о том, как одноклассницы дружно смеялись над моим весом, все еще неприятно горчили на языке.

- С тобой? Никогда! -

— Что случилось, булочка? — ласково спросила бабуля, откладывая ложку в сторону.

— И ты туда же! — едва не разрыдалась я.

— Да что стряслось?!

— Они... они... — Я склонилась над столом и спрятала лицо в ладонях. — Обзывают меня жирной!

— Кто?

— Девочки! — крикнула я.

— А-а, вот в чем дело... — вздохнула бабушка. — Все очевидно: они тебе просто завидуют.

— Бабуль, — я посмотрела на нее в упор, — зачем ты мне врешь? — Шмыгнула носом и утерла слезу. — Ты же должна быть на моей стороне! Пытаешься успокоить, а надо признать: есть проблема. И не просто какая-то там, а настоящая проблемица!

— Ну... — задумчиво протянула бабушка.

Она такая добрая, не хочет меня огорчать. Но мы обе прекрасно понимали, что все зашло слишком далеко, и мое ожирение приобретает, так скажем, размах.

Я тоже хотела, как вредная Янка, носить джинсы в облипочку, крохотные топы, короткие сарафаны и не стесняться выпирающих целлюлитных ляжек. Мне очень хотелось быть как все и больше не стыдиться, покупая трусы, на которые уходило больше ткани, чем на Янкины юбки.

Мне не хотелось краснеть, отправляясь в мужской отдел, чтобы выбрать футболку по размеру, не хотелось, чтобы брюки стирались между ног от ходьбы. Я мечтала носить шорты и платья, хотела выйти на солнечный свет, а не прятаться в полутьме, скрывавшей мои недостатки. Мечтала надеть что-то яркого цвета, а не надоевшее черного, который был лучшей маскировкой моих складок и округлостей.

- Лена Сокол -

Мечтала покупать одежду в ближайшем универмаге, как все нормальные люди, а не носить сшитое бабушкой.

— Они считают своим долгом убедить меня, что я хуже! Я для них человек второго сорта!

— Булоч... — бабуля запнулась на полуслове, — Дашенька...

— Все, больше не буду есть! Не хочу! — отмахнулась я.

— Но ведь совсем не есть нельзя. — Она присела рядом и погладила мое запястье.

Я отдернула руку:

— Можно!

— Язву заработаешь. Нужно несколько раз в день, но понемногу. Давай хотя бы так, ладно?

Я вскочила, забрала у нее ложку, выловила из кастрюли маленький кусочек морковки, четвертинку картофелины и села обратно за стол. Совсем не есть у меня и так не получилось бы.

— Не слушала бы ты их, Дашуль, — огорченно произнесла бабуля.

— Легко сказать! — Я сунула в рот морковку, прожевала и проглотила. — Мне стыдно ходить в школу. Они все на меня пялятся. Смеются! Я больше туда не пойду!

Проглотила картофелину, не жуя. Вскочила, налила стакан воды, выпила — так, кажется, учат в передачах про здоровье?

— Ну и пусть смеются. Они глупые. Только недалекий человек смеется над чужими недостатками.

Есть захотелось еще сильнее. А при взгляде на мясо у меня даже закружилась голова.

— Это все ты виновата! Ты! — Слезы покатались большими горячими горошинами по щекам. — Ты меня сделала такой! И твои блинчики, супы и пироги!

Бабушка поникла, побледнела. На ее лице было столько растерянности, вины, удивления, но я думала

- С тобой? Никогда! -

только о своей обиде. А еще о том, что ужасно хочу накинуться на рагу и стрескать его все за обе щеки. Но не могу.

Топнув ногой, я убежала в свою комнату. Бросилась на кровать лицом вниз и разрыдалась. Почему я такая? За что мне это? Почему другие девчонки как лебеди, а я... слон! Неуклюжая, огромная, неповоротливая. Жирная. Это слово горело на мне клеймом.

Разве можно быть собой, когда так выглядишь? Искренне улыбаться и надеяться, что когда-то будешь счастливой? Жить, осознавая, что внутри ты такая же, как они, тростиночка? Просто внутренняя стройная и легкая Даша почему-то обросла горой жира, за которой ее настоящую никто и не видит.

И, конечно, я зря обидела бабушку, ведь она всегда хотела как лучше: радовать меня, заменить мне маму, окружить заботой. А вместо благодарности я взяла и выплеснула на нее весь свой гнев.

— Все будет хорошо, моя девочка, — раздалось над ухом, когда я почти уже успокоилась. Бабушка села на кровать и погладила меня по спине. Ее рука дрожала. — На самом деле неважно, как ты выглядишь. Важно, что чувствуешь. Если принимаешь себя и свое тело таким, какое оно есть, то обязательно найдется человек, который полюбит тебя такой. Я же люблю. — Она вздохнула. — Но если тебе некомфортно и ты хочешь похудеть, я попробую тебе помочь справиться с этим.

— Не хочу, чтобы меня обзывали Колбасой, — всхлинула я в подушку.

Она похлопала меня по спине шершавой, натруженной на хлебозаводе рукой.

— Они не будут, детка. Но тебе нужно научиться давать отпор.

— Мне драться с ними?

— Нет.

— Отвечать чем-то обидным? — Я перевернулась и посмотрела на бабушку. — Обзывать? Как?

Она улыбнулась, прищурившись.

— Если тебя оскорбляют, никогда не отвечай. — Бабушка погладила меня по голове. — Ведь если на тебя лает собака, ты не встаешь на четвереньки и не лаешь в ответ?

— Молча терпеть?

— С достоинством. Они еще слишком глупы. Вот вырастут и поймут.

— Они не глупы. Они жестоки!

— Чем ниже интеллект, тем громче оскорбления. — Она подмигнула, но меня это не утешило.

Нет! Я все для себя решила. Сколько бы она меня ни утешала, проблема в том, что я много жру. Нужно научиться считать калории, записаться в тренажерный зал, отказаться от сахара, купить утягивающие трусы. Похудеть или умереть!

— Опять Ярик бренчит, — раздосадованно сказала бабуля.

И посмотрела на стену с укором, словно она и была тем самым вредным Яриком.

— Не бренчит — играет, — улыбнулась я и тут же покраснела под ее взглядом.

Мне всегда нравилось слушать, как сосед играет на фортепиано. У меня перехватывало дух от его музыки.

Я могла часами сидеть на полу у стены и слушать, как Ярик это делает. Казалось, весь мир оживает, стоит ему только коснуться клавиш. Он был рожден для музыки, а музыка для него. Возможность слушать его и наслаждаться каждым звуком — настоящее волшебство. Дивные минуты, наполненные летящими сквозь стену мелодиями, были единственным лучом света в моей серой жизни.

А худеть оказалось не так уж и трудно. Я провела выходные, изучая всевозможные диеты, и поняла, что самый подходящий для меня вариант — отказаться от сладкого, жирного, соленого и употреблять больше белков.

Как водится, начала с понедельника. Встала, выпила два стакана воды, позавтракала большим зеленым яблоком. Желудок по пути в школу недовольно ворчал, но сильно расстраиваться не стал — видимо, надеялся на плотный обед.

Не тут-то было! Столовую я решила обходить стороной и даже дала себе слово не приближаться к ней, чтобы не соблазняться ароматами супа и картофельного пюре с котлетой. Достала в полдень цельнозерновой хлебец и сгрызла его, запив водой из фонтанчика. Банан, который положила мне с собой бабушка, так и не тронула — лишние углеводы мне ни к чему.

После уроков я летела домой словно на крыльях: пустой живот будто прилип к спине, в теле ощущалась невиданная легкость. Но уже спустя несколько минут меня пригвоздило к асфальту терпким ароматом свежей выпечки, доносившимся из соседней с нашим домом булочной.

Сила воли давала первый сбой: в желудке протяжно заурчало, усилилось слюноотделение, ноги чуть не подкосились от слабости. А в мозгу кто-то противный и жирный ласково и так задушевно зашептал: «Иди туда, иди. Брось все! Зачем тебе худеть? Всего одна плюшка с сахаром, ничего же не будет. М-м-м... Моя пре-е-елость...»

Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, я решительно сорвалась с места и помчалась к дому. Но запахи не сдавались: кондитерская, колбасный магазин,